

В.Н. Харузина

Сказки русских инородцев

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 84-4
В11

В11 **В.Н. Харузина**
Сказки русских инородцев / В.Н. Харузина – М.: Книга по Требованию, 2017. – 292 с.

ISBN 978-5-458-14911-2

Сказки русских инородцев с иллюстрациями. С предисловием В.М. Михайловского. Второе издание редакции журналов "Светлячок", "Путеводный огонек" и "Дело и потеха".

ISBN 978-5-458-14911-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ народной словесности всѣхъ племенъ, населяющихъ земной шаръ, сказки занимаютъ важнѣйшее мѣсто. Бродячій бушмень въ пустыняхъ Южной Африки, самоѣдь на берегахъ Ледовитаго океана, краснокожій охотникъ и кочевникъ-киргизъ, индусъ въ долину Ганга, мрачный бретонецъ и нашъ великорусъ—всѣ разнородные представители челоуѣчества отводятъ свою душу въ сказкѣ и въ этомъ фантастическомъ мѣрѣ находятъ осуществленіе своихъ заветныхъ чаяній и идеаловъ *).

Сказка въ умственной и нравственной жизни каждаго народа является не только продуктомъ наивной фантазіи, выраженіемъ извѣстныхъ эстетическихъ потребностей,—ея значеніе гораздо шире и серьезнѣе.

Среди культурныхъ народовъ менѣе образованные слои населенія, среди варварскихъ и дикихъ племенъ всѣ и каждый относятся къ сказочнымъ чудесамъ съ глубокою вѣрой; въ народныхъ сказкахъ кроются древнѣйшія религіозныя представленія, сохраняется первоначальное народное міросозерцаніе. Въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, отражаются всѣ матеріальныя условія народнаго быта, вся духовная жизнь народа и природа, окружающая его.

Сказки, по признанію лучшихъ педагоговъ, являются для дѣтей незамѣнимымъ чтеніемъ какъ въ образовательномъ, такъ и въ воспитательномъ отношеніи; онѣ даже предваряютъ самое чтеніе и даютъ сильнѣйшія впечатлѣнія ребенку въ началѣ пробужденія его сознательной жизни. Чудесный мѣръ народныхъ сказокъ отличается безыскусственной, здоровой

*) Значеніе сказокъ для этнографіи и для дѣтскаго чтенія прекрасно выяснено извѣстнымъ англійскимъ этнографомъ Эндрью Лангомъ—*Australian legendary tales, collected by M-rs K. Langloh Parker with introduction by Andrew Lang. London. 1896.*

VI

фантазією и можетъ служить нормальной умственной пищей для дѣтскаго возраста. Между ребенкомъ и этими произведеніями дѣтскаго наивнаго творчества существуетъ тѣсная связь, и въ системѣ воспитанія сказки могутъ считаться первымъ начальнымъ звеномъ всей дальнѣйшей цѣпи умственного развитія подрастающихъ поколѣній. Нѣкоторые педагоги, какъ, напр., Гербартъ и его послѣдователи, выдѣлили даже сказки въ особую область и сдѣлали ихъ предметомъ изученія въ начальной школѣ.

Кромѣ общихъ педагогическихъ соображеній, относящихся къ народнымъ сказкамъ въ ихъ воспитательномъ вліяніи, слѣдуетъ указать и на значеніе *этнографическаго* собранія сказокъ въ дѣлѣ пробужденія у дѣтей способности перехода отъ міра чудеснаго къ болѣе реальному. Благодаря такимъ сказкамъ, дѣти совершенно незамѣтно пріобрѣтаютъ умѣніе распознавать особенности чуждыхъ имъ народовъ и сочувствовать страданіямъ и радостямъ обитателей отдаленныхъ странъ. •

При составленіи даннаго сборника приходилось, для удовлетворенія требованій здравой педагогій, производить самый осторожный выборъ сказокъ. Это въ значительной степени осложняло работу: составительница сборника старалась какъ можно точнѣе и безъ всякихъ прикрасъ передать весь мѣстный колоритъ и народный тонъ каждой сказки. Нѣкоторыя измѣненія, которыя оказались неизбежными, заключались, главнымъ, образомъ, въ устраненіи всего, что могло бы оскорбить нравственное чувство дѣтей въ этихъ произведеніяхъ творчества некультурныхъ людей; удалить все грубое и сохранить наивное представляло въ подобной работѣ весьма значительныя затрудненія. Такимъ образомъ, сборникъ подъ заглавіемъ „Сказки русскихъ инородцевъ“ имѣетъ цѣлью не одну забаву дѣтей, не стремится только доставить новый подборъ сказокъ для легкаго чтенія, но представляетъ попытку соединить серьезное съ привлекательнымъ; короче сказать — сборникъ имѣетъ въ виду пробудить въ читателяхъ общечеловѣческія симпатіи и укрѣпить интересъ къ знанію, къ наукѣ.

Викторъ Михайловскій.

Мальчикъ-сирота.

(Самоѣдская сказка).

Около рѣки стояло большое самоѣдское становище—всего семь-соть чумовъ. Въ этомъ становищѣ жило семь братьевъ-старѣйшинъ. Всѣ они были женаты, но дѣтей у нихъ не было; только у старшаго изъ старѣйшинъ былъ мальчикъ. Мальчикъ этотъ былъ большой соня: онъ все спалъ да спалъ, день и ночь. Разъ отецъ разбудилъ его и говоритъ:—„Вставай! Мы всѣ идемъ въ гости. Пойдемъ и ты съ нами“. Мальчикъ проснулся и отвѣчалъ:—„Я въ гости не пойду, и вы не ходите; мнѣ сегодня приснилось, будто всѣхъ васъ убили, а я остался одинъ на свѣтѣ“. Отецъ разсердился и сказалъ:—„Ну, спи себѣ тутъ, если хочешь, а мы пойдемъ“. Мальчикъ легъ и снова заснулъ. А между тѣмъ сонъ его былъ вѣщій: пришли самоѣды изъ другого становища, перебили всѣхъ, а собакъ и оленей угнали. На-утро проснулся мальчикъ и видитъ: лежатъ всѣ убитыми. Нечего было дѣлать, пошелъ сирота, куда глаза глядятъ,—думаетъ: „Найду гдѣ-нибудь жилье и людей“.

Шелъ онъ долго, но не встрѣтилъ никого. Наконецъ, дошелъ до одного мѣста и видитъ, что тутъ недавно стоялъ чумъ: снѣгъ при-топтанъ и пепель на землѣ. Вотъ видитъ онъ, на снѣгу лежитъ обглоданная кость: вѣрно, собака ѣла и оставила. Мальчику очень хотѣлось ѣсть; онъ взялъ кость и началъ ее глотать. Потомъ подумалъ: „Можетъ-быть, подъ снѣгомъ еще найду“. Онъ сталъ разгребать руками снѣгъ, и точно, подъ снѣгомъ были еще кости, а между костями лежали серебряныя серьги. Мальчикъ взялъ серьги, спряталъ ихъ въ рукавицу и пошелъ дальше. Только,—долго ли, коротко ли онъ шелъ,—видитъ вдругъ: ѣдетъ самоѣдка въ саняхъ, держитъ въ рукахъ копые и правитъ прямо на него. Вотъ она подъѣхала къ нему и спраши-

ваетъ: — „Ты, вѣрно, идешь съ того мѣста, гдѣ стоялъ мой чумъ; не видалъ ли ты тамъ моихъ серебряныхъ сережекъ?“ Мальчикъ отвѣчалъ: — „Твои сережки у меня тутъ, въ рукавицѣ. Я отдамъ ихъ, только возьми меня съ собой въ твои санки и отвези меня туда, гдѣ люди живутъ“. Самоѣдка ничего не отвѣтила, подняла копы и ударила имъ мальчика. Мальчикъ упалъ въ снѣгъ, а она бросилась на него, отняла у него серьги, сѣла въ сани и уѣхала.

Всталъ мальчикъ и пошелъ дальше. Вотъ онъ опять находитъ мѣсто, гдѣ недавно стояло жилье. Сталъ онъ искать, нѣтъ ли тутъ чего-нибудь съѣстного. Онъ нашелъ опять только одну старую кость. Поглодалъ ее мальчикъ и началъ опять разгребать снѣгъ—искать. не найдутся ли тамъ еще кости. Подъ снѣгомъ онъ на этотъ разъ нашелъ желѣзную лопатку. Мальчикъ взялъ лопатку и пошелъ дальше. Только видитъ онъ, опять ѣдетъ кто-то въ саняхъ. Онъ остановился и сталъ ждать. Вотъ санки близко подѣхали къ нему и остановились; въ нихъ сидѣла дѣвочка-самоѣдка. Дѣвочка-самоѣдка спросила: — „Мальчикъ, куда ты идешь?“ Мальчикъ отвѣчалъ: — „Иду, куда глаза глядятъ, искать людей. Вотъ увидалъ я слѣды на снѣгу и пошелъ по слѣдамъ. Мнѣ ѣсть хочется, я умираю отъ голоду“. Дѣвочка сказала: — „Ты, кажется, былъ у нашего чума; не видалъ ли ты тамъ моей желѣзной лопатки?“ — „Я нашелъ желѣзную лопатку, но не знаю, чья она“. — „Это моя лопатка, — говоритъ дѣвочка, — а я ѣхала назадъ за ней“. — „Я отдамъ тебѣ твою лопатку, — сказалъ сирота, — а ты отвези меня на своихъ оленяхъ куда-нибудь, гдѣ бы только жили люди“. — „Конечно, — говоритъ дѣвочка, — я отвезу тебя домой, къ себѣ. Отчего же мнѣ и не отвезти тебя? Вѣдь ты тутъ можешь умереть съ голода, а дома я тебя накормлю“. — Мальчикъ тотчасъ отдалъ ей лопатку, а она посадила его къ себѣ въ санки.

Ѣдутъ они, а дѣвочка и спрашиваетъ его: — „Чей ты, мальчикъ? Вѣрно, ты идешь издалека: я тебя не знаю и никогда даже не видала“. Мальчикъ отвѣтилъ: — „Меня никто на свѣтѣ не знаетъ: вѣдь я сирота. У меня нѣтъ ни отца, ни матери, никого на цѣломъ свѣтѣ. Жили у насъ въ становищѣ семь братьевъ; жили они богачами: у насъ было семьсотъ чумовъ“. — „Приходилось мнѣ слышать про этихъ

семерыхъ братьевъ,—сказала дѣвочка.—Что же съ ними стало теперь?“—„Они умерли всѣ вмѣстѣ въ одну и ту же ночь; въ одну и ту же ночь ихъ всѣхъ перебили“. Дѣвочка спросила:—„Знаешь ли ты, чьи эти олени, на которыхъ мы сейчасъ ѣдемъ съ тобой?“—„Откуда же мнѣ знать?“—отвѣтилъ мальчикъ.—Вѣдь я еще не великъ и мало что знаю. Только твои олени похожи на оленей моего отца“. — „Какъ же ваши олени могли попасть къ намъ?“—спросила дѣвочка.—„Ужъ этого я не знаю“, — сказалъ мальчикъ. Дѣвочка и говоритъ: — „Ну, такъ хочешь, я тебѣ скажу, какъ это случилось. Твой отецъ пріѣзжалъ къ намъ въ становище, къ моему отцу, и засваталъ меня за тебя. Вмѣсто калыма онъ подарилъ мнѣ этихъ оленей и эту желѣзную лопатку. Онъ далъ мнѣ еще мечъ, да его у насъ украли“. — „Ну, мечъ я постараюсь найти тебѣ“, — сказалъ мальчикъ.—„Когда ты найдешь мой мечъ, я выйду за тебя замужъ“, — говоритъ дѣвочка.

Самоѣдъ.

Наконецъ, они пріѣхали въ становище. Дѣвочка-самоѣдка привела мальчика въ чумъ къ своему отцу. Сталъ мальчикъ-сирота жить у нихъ въ чумѣ. А когда онъ выросъ и дѣвочка стала большой, онъ женился на ней.

Разъ собралось все становище перекочевать въ другое мѣсто. Запрягли самоѣды оленей, навьючили сани и пустились въ путь. Сиротѣ дали самыхъ плохихъ оленей. Какъ онъ ни погонялъ ихъ, они

не могли догнать остальных, и онъ все оставался позади. Вдругъ весь поѣздъ разомъ остановился. Тутъ сирота и нагналъ ихъ. Одинъ самоѣдъ окликнулъ его и спрашиваетъ:— „Оглянись, кто это за тобой ѣдетъ?“ Сирота отвѣчалъ: — „За мной нѣтъ никого“, — но все-таки обернулся посмотрѣть. А самоѣдъ въ это время схватилъ свое копые и ударилъ его. Сирота тутъ же упалъ мертвымъ. Поѣздъ умчался; одна жена осталась возлѣ умершаго. Сидитъ она на своихъ саняхъ и горько плачетъ. Вдругъ ея олени испугались чего-то, рванулись и умчали ее вслѣдъ за поѣздомъ.

Убитый сирота лежалъ въ снѣгу. Вдругъ изъ лѣсу вышелъ старикъ. У него была всего одна нога, одна рука и одинъ глазъ; въ рукѣ онъ держалъ желѣзную палочку. Подошелъ старикъ къ сиротѣ, ударилъ его палочкой и говоритъ:— „Что ты лежишь? Пора вставать! Иди домой; твой отецъ и всѣ твои родные снова живы“. Сказалъ это старикъ и тутъ же исчезъ изъ вида. Сирота поднялся съ земли, потянулся и говоритъ:— „Крѣпко же я спалъ! Но кто же говорилъ мнѣ, что отецъ мой живъ?“ Оглядевшись сирота кругомъ—нѣтъ никого. Онъ и подумалъ: „Должно-быть, мнѣ приснилось“, и пошелъ по слѣдамъ своего поѣзда. Самоѣды между тѣмъ остановились ночевать. Онъ скоро дошелъ до нихъ, отыскалъ чумъ своей жены и легъ спать.

Утромъ рано поднялись всѣ, сложили чумы, запрягли оленей и поѣхали дальше. Опять дали сиротѣ самыхъ плохихъ оленей. Вотъ ѣдетъ онъ позади всего поѣзда. Опять спрашиваетъ его тотъ же самоѣдъ:— „Что это за люди ѣдутъ сзади тебя?“— „Никого нѣтъ“, — сказалъ сирота и оглянулся. А самоѣдъ опять ударилъ его копыемъ и убилъ его. Оставили лежать сироту и уѣхали. Жена подумала: „Его, навѣрное, не убили; онъ опять догонитъ насъ, какъ вчера“, и уѣхала тоже. Опять вышелъ изъ лѣсу тотъ же одноглазый, однорукий и одноногий старикъ съ желѣзною палочкой въ рукѣ. Ударилъ онъ убитаго сироту своей палочкой и говоритъ: — „Я тебѣ еще вчера говорилъ, чтобы ты вернулся домой. Если хочешь быть цѣлымъ, вернись скорѣе; твой отецъ живъ“. Сказалъ и скрылся. Ожилъ сирота, всталъ и думаетъ: „Кто это все зоветъ меня назадъ, домой, и говоритъ, что отецъ

мой живъ?“ Поглядѣлъ вокругъ,—никого нѣтъ. Онъ опять подумалъ: „Вѣрно, мнѣ все это приснилось“. И пошелъ онъ по слѣдамъ искать своихъ. Они опять остановились на ночевку, и онъ скоро догналъ ихъ.

На слѣдующій день снова пустились въ путь, и опять ему дали самыхъ плохихъ оленей. Отѣхали они немного, тотъ же самоѣдъ говоритъ сиротѣ:—„Посмотри, сколько оленей бѣгутъ за тобой“. Сирота обернулся, а самоѣдъ тутъ же закололъ его копьемъ, и поѣздъ весь уѣхалъ. Снова явился одноглазый, однорукий и одноногий старикъ, снова ударилъ мертваго своей желѣзной палочкой и говоритъ:—„Въ третій разъ говорю тебѣ: вернись домой. Два раза я оживлялъ тебя, больше я не буду тебѣ помогать“. Ожилъ сирота, всталъ, но не вернулся назадъ, пошелъ во слѣдъ своему поѣзду. Догналъ онъ ихъ, а они уже всѣ легли спать. Онъ не пошелъ въ чумъ къ своей женѣ, но сѣлъ на санкахъ возлѣ чума и думаетъ себѣ: „Они хотѣли меня убить потому, что я имъ чужой“. Всталъ онъ и пошелъ къ тѣмъ санямъ, на которыхъ у нихъ были сложены луки. Онъ ихъ взялъ и поломалъ. Потомъ онъ пошелъ къ санкамъ жены и досталъ изъ нихъ ея желѣзную лопатку. Сталъ онъ этой лопаткой рубить ихъ чумы. Проснулись люди, выбѣжали изъ чумовъ, бросились на него. А сирота, зная себѣ, отбивается желѣзной лопаткой, машетъ ею и вправо, и влѣво. Всѣхъ ихъ положилъ на мѣстѣ, одну жену свою оставилъ въ живыхъ, да отца ея и мать. Когда стало свѣтло, онъ началъ осматривать убитыхъ. Оказалось, онъ перебилъ всѣхъ; одинъ только остался живъ, какъ-разъ тотъ самоѣдъ, который три раза убивалъ его копьемъ; онъ убѣжалъ на лыжахъ. Сирота тоже надѣлъ лыжи и побѣжалъ за нимъ, по его слѣдамъ; бѣжалъ онъ долго и догналъ его. Начали они биться. Бились долго-долго,—никто изъ нихъ не можетъ одолѣть другого. Наконецъ, какъ-то сразу ударили другъ друга и оба упали мертвыми. Лежатъ они въ снѣгу, некому ихъ похоронить. Проходили тутъ лисицы, пробѣгали волки и съѣли ихъ. Остались отъ нихъ однѣ косточки.

Вотъ прошла зима, пролетѣло лѣто, наступила осень. Откуда ни возьмись, выходитъ изъ лѣсу тотъ же старикъ, одноглазый, однору-

кій, одноногій. Подошелъ онъ къ мѣсту, гдѣ лежали кости, и говорить:— „Сколько разъ я говорилъ тебѣ идти назадъ, къ отцу, а ты все не слушаешься! Ужъ такъ и быть, помогу я тебѣ еще разъ; но помни, что это будетъ въ послѣдній“. Взялъ старикъ, собралъ въ мѣшокъ кости сироты, всѣ до послѣдней косточки, взвалилъ мѣшокъ себѣ на плечи и пошелъ съ того мѣста. Вотъ дошелъ онъ, наконецъ, до большого камня. Онъ его сдвинулъ ногой; подъ камнемъ была большая яма. Старикъ полѣзъ въ эту яму, а тамъ идетъ подземелье. Темъ стоитъ, и слышно, какъ кругомъ кричатъ, свистятъ, поютъ, только вдали еле-еле виденъ свѣтъ. Пошелъ старикъ на свѣтъ, а за нимъ бѣгутъ, гонятся какіе-то люди, хотятъ отнять у него мѣшокъ съ костями. На самихъ нѣтъ ни кожи, ни тѣла, однѣ кости гремятъ да зубы щелкаютъ. Старикъ все идетъ себѣ на свѣтъ. Дошелъ онъ, наконецъ, до чума и вошелъ въ него. Тамъ, около очага, сидѣла старуха. Старикъ бросилъ на землю мѣшокъ съ костями и говоритъ:— „На тебѣ дровъ на огонь; брось-ка ихъ на очагъ“. Старуха сказала:— „Вотъ и хорошо, что ты принесъ мнѣ дровъ; у меня уже всѣ дрова вышли“. Она взяла и высыпала тотчасъ всѣ кости въ огонь. Когда кости сгорѣли, она собрала золу и посыпала ею свою постель, а сама легла на нее. Черезъ три дня изъ пепла вышелъ цѣлъ и невредимъ сирота. Оглядѣлся сирота кругомъ и говоритъ:— „Въ какомъ же я темномъ мѣстѣ спалъ!“ Сталъ онъ думать, какъ бы ему уйти. Но въ чумѣ не было ни дверей, ни дымового отверстія. Началъ онъ щупать стѣны,—стѣны у чума желѣзныя. Онъ и говоритъ старухѣ:— „Я хочу уйти отъ тебя, а дверей никакъ не найду“. Старуха ударила ногой въ стѣну, и стѣна тотчасъ раздалась. Спрашиваетъ его старуха:— „Чего бы тебѣ больше всего хотѣлось?“ Сирота отвѣчалъ:— „Если бы я зналъ, гдѣ теперь моя жена, я бы желалъ пойти къ ней“.— „Поживи у меня немного,—говоритъ старуха,—скоро прибѣгутъ мои олени; они отвезутъ тебя къ твоей женѣ“.

Черезъ три дня прибѣжали олени старухи. Она запрягла ихъ въ сани, сама сѣла на нихъ, посадила съ собой сироту и погнала оленей. Ъдутъ они по подземелью, а тѣ люди, безъ кожи и тѣла, гонятся за ними, хотятъ убить сироту. Но олени неслись такъ быстро, что до-

гнать ихъ было невозможно. Когда они добѣжали до большаго камня, старуха сказала сиротѣ:— „Сдвинь его, чтобы намъ попастьъ на бѣлый свѣтъ“. Сирота хотѣлъ сдвинуть камень, но не могъ. Тогда старуха толкнула камень ногой; онъ отлетѣлъ въ сторону. Выѣхали они на бѣлый свѣтъ, ѣхали долго и, наконецъ, добрались до одного чума. Въ этомъ чумѣ жила жена сироты съ отцомъ своимъ и матерью. Сирота взялъ свою жену, ея отца и мать и отправился искать своихъ родныхъ. Долго ли, коротко ли они ѣхали, видятъ вдругъ: стоитъ становище на старомъ мѣстѣ, всѣ семьсотъ чумовъ. Надъ семьястами чумами старѣйшинами живутъ опять семь братьевъ. Такъ сирота нашелъ своего отца и своихъ родныхъ. Сталъ онъ жить тутъ со своей женой.

Двѣ сестрицы.

(Самоѣдская сказка).

Двѣ женщины-самоѣдки жили вмѣстѣ въ одномъ чумѣ: одна—молодая, другая—старуха. У молодой были двѣ дѣвочки, а у старухи не было дѣтей. Молодая работала, не покладая рукъ: варила обѣдъ, обшивала своихъ дочерей. Старуха же лежала по цѣлымъ днямъ и ничего не дѣлала. Разъ старуха говоритъ молодой:—„Пойдемъ, нащиплемъ себѣ травы; нечего подкладывать въ бахилы“.—„Некогда мнѣ, — говоритъ молодая, —я шью дѣвочкамъ одежду. Ну, да ужъ все равно, пойдемъ“. Пошли онѣ въ лѣсъ за травой. Молодая нагнулась къ землѣ щипать траву, а старуха, —она была людоѣдка, —вдругъ вытащила изъ-за пояса ножъ, изловчилась и заколола ее. Потомъ она зажгла костеръ, изжарила молодую и съѣла ее, оставила однѣ кости. „Послѣ съѣмъ“, — подумала и вернулась въ чумъ. Дѣвочки спрашиваютъ ее: —„А гдѣ мать?“ Старуха отвѣтила:—„Она щиплетъ траву; вернется, когда можно будетъ“. Потомъ она легла передъ дверью, чтобы дѣвочки не убѣжали, и заснула. Она хотѣла, когда проснется, съѣсть и дѣвочекъ.

А сестры спали на полу подъ пологомъ. Вотъ видитъ старшая, что мать долго не идетъ, и надумала она пойти отыскать ее. Она вылѣзла изъ-подъ полога, перешагнула тихонько черезъ старуху и выбралась изъ чума. Шла она, шла по лѣсу и дошла, наконецъ, до того мѣста, гдѣ лежали у потухшаго костра кости матери. Дѣвочка подумала: „Старуха съѣла мать и насъ съ сестрой съѣсть. Надо бѣжать“. Она поймала двухъ птичекъ и вернулась въ чумъ. Птичекъ она пустила подъ пологъ, а сама взяла сестру за руку и убѣжала вмѣстѣ съ ней изъ чума.